

Протестная культура и политический дискурс: опыт Франции

О.Е. Манакина

В статье рассматриваются некоторые современные тенденции французского политического протестного дискурса. Акцент сделан на языке, используемом для освещения и толкования протестных движений иммигрантских пригородов. В результате анализа дискурса городских беспорядков осени 2005 г. в пригородах Парижа выявлены несоответствия между самими событиями и теми языковыми средствами, которыми оперирует современный политический дискурс для их освещения и толкования. В заключении приводится ряд аргументов, позволяющих считать кризис политического языка одной из существенных составляющих политического и культурного кризиса современной Франции.

Традиции взаимодействия языка и политики имеют глубокие исторические корни, однако, возникновение политического дискурс-анализа как особой научной дисциплины произошло лишь во второй половине XX столетия.¹ Ссылаясь на Дж. Дж. А. Покока, российские исследователи М.В. Ильин и В.И. Герасимов отмечают, что лишь в самое последнее время сообщество политологов приблизилось в своем развитии к тому моменту, когда его язык и история могут обрести достойный статус политической подсистемы. В немалой степени это связано с развитием анализа политического дискурса.²

Сегодня интерес к изучению политического дискурса проявляют представители разных профессий – журналисты, политологи, философы, социологи, специалисты в области теории коммуникаций, лингвисты. Одним из первых журналистов, обративших внимание на коммуникационную деятельность в ее функции опосредования политической реальности был А.Ф. Бентли, который считал рассмотрение языковой деятельности важнейшим условием для исследования политики и общественного мнения. Он никогда не упускал из виду ключевую связь между коммуникацией и социальной деятельностью.

Одной из широко представленных в анализе политического дискурса гипотез является гипотеза о воздействии языка на политическое мышление. Это утверждение приобрело широ-

кую известность, в основном, благодаря произведениям Дж. Оруэлла и его последователей. В своем знаменитом романе «1984» и в статьях об английском языке Оруэлл выявил важные закономерности взаимодействия языка и политики. Основным его достижением стала концепция так называемого *новояза* – особого вида дискурса, позволяющего контролировать политическое поведение. Оруэлл был убежден в том, что мысль зависит от языка и, следовательно, при ограничении политическим руководством спектра возможностей языкового выражения сужается спектр возможных мыслительных процессов. Целью новояза, в понимании Оруэлла, было не выражение особенностей мировоззрения и индивидуального мышления, а недопущение неприемлемых с точки зрения политического руководства способов мышления – ненужные мысли должны были стать в буквальном смысле немислимыми в той мере, в которой они зависят от допустимых к использованию слов³.

Данное исследование, посвященное политическому дискурсу Франции, рассматривает явление изменения некоторых «ненужных» реальных в массовом сознании путем их ретуширования, камуфлирования с помощью вербальных средств. Французский ученый Ж. Девитт называет эту проблему нежеланием и невозможностью «назвать кошку кошкой». Именно такое название носит его статья, опубликованная в сборнике

Манакина Ольга Евгеньевна – соискатель по кафедре философии, психологии и культурологии МГИМО(У) МИД России. E-mail: vestnik@mgimo.ru

трудов «La République brûle-t-elle?» (букв. с франц. языка - «Горит ли Республика?»), посвященная проблеме кризиса пригородов во Франции, наиболее обострившейся в 2005 г. Беспорядки в иммигрантских пригородах Парижа и других крупных городах Франции, получившие небывалый международный резонанс в силу масштаба и продолжительности, побудили обратиться к проблеме иммигрантских пригородов не только исследователей в области политологии и социологии, традиционно изучающих этот вопрос (М. Кокорефф, Ю. Лагранж, М. Оберти, Ж. Може), но и антропологов, политических лингвистов, философов (Ж. Девитт, Д. Фолшейд, Ж.-Ф. Маттеи, Б. Этьен и др.), чьи исследования позволили иначе взглянуть на проблему интеграции иммигрантов. Среди исследований вышеупомянутых авторов наше внимание наиболее привлек подход к проблеме кризиса пригородов сквозь призму языка. По мнению Ж. Девитта и Д. Фолшейда, язык сыграл особую роль в том, что сегодня проблема эмигрантских пригородов носит острый и, очевидно, неразрешимый характер. «Франция пострадала за то, что отказывается называть вещи своими именами, поскольку именно правильно выбранные слова позволяют адекватно оценить ситуацию, и, соответственно, ее разрешить»⁴.

Ни одно событие в человеческом мире не существует вне слова, именно слово наполняет любое событие смыслом, ценностью, цветом. Слова являются неотъемлемой частью действия, поскольку слово есть действие в той же мере, что и жест.⁵ Поэтому, слова, выбранные для описания реальности, создают ее заново, и, порой, облеченная в слова, реальность меняется до неузнаваемости. По существу создается новая, вербальная реальность, которая может вытеснить в сознании истинную, событийную реальность (термин Д. Форшейд). Но рано или поздно, событийная реальность дает о себе знать и становится очевидно, что слова, к которым все привыкли, больше не работают, более того, они противоречат фактам, оказавшимся налицо. Подобное явление произошло во Франции в ноябре 2005 г.

Именно эти события, происходившие в парижских пригородах осенью 2005 г., так называемые парижские бунты 2005 г. (*les émeutes 2005*), мы выбрали в качестве протестного настоящего Франции, отделив его, тем самым, от ее протестного прошлого - от национальной традиции протеста, от событий, являющихся неотъемлемой частью национальной истории и сформировавших бунтарский образ французского народа (Великая Французская Революция XVIII в., Май 1968 г., и пр.)

2005 г. стал наиболее громким, после мая 1968 г., событием в протестной истории современной Франции. Благодаря некоторой временной дистанции, которая нас отделяет сегодня от той осени, и возможности взглянуть на события со стороны мы можем судить о значимости тех

событий. Их беспрецедентность стала очевидна уже в 2005 г., когда были подведены первые итоги, о которых нам представляется уместным вспомнить, прежде чем переходить к основной теме данной статьи, а именно - к понятию кризиса пригородов как одного из проявлений глобального кризиса, затронувшего сферы политики, культуры, и, в частности, сферу языка.

Итак, с 27 октября по 17 ноября сначала в пригородах Парижа, а потом и других городах Франции (по цепной реакции волна протеста охватила также и близлежащие страны - Бельгию и Люксембург) горели автомобили и автобусы, рушились витрины магазинов, школы, социальные центры. В целом, нанесенный ущерб составил около 200 млн. евро. Приведем еще несколько цифр, отражающих масштаб случившегося: 10000 сожженных автомобилей, около 200 поврежденных объектов общественного транспорта, около 300 зданий общественного пользования, около 80 - частных владений. Отдельного внимания заслуживает ущерб, нанесенный образовательным учреждениям: всего было совершено около 300 покушений, четвертая часть которых нарушила учебный процесс, от вандализма и пожаров пострадала 92 колледжа, 50 лицеев, и 106 младших школ.⁶

Выбор разрушителями образовательных учреждений в качестве объекта вандализма не случаен, поскольку школа является первой ступенью, на которой начинается формирование человека как части общества, и именно на этом этапе дети иммигрантов начинают осознавать, что они никогда не станут полноценными гражданами французского общества, которыми являются по паспорту. Возвращаясь к понесенным убыткам, нельзя не вспомнить о человеческих жертвах, с которых, собственно, и начались бунты: двое подростков сгорели заживо, а третий серьезно пострадал от ожогов в результате преследования полицейских, от которых ребята спрятались за трансформаторной будкой. Это трагическое событие вызвало волну негодования со стороны родных и друзей погибших. А дальнейшее развитие событий спровоцировала реакция на события со стороны правительства, которое, с одной стороны, не желало признать полицию виновной в случившемся, а с другой, позволило себе резко высказаться о жителях пригородов, обозвав их «отбросами» (*фр. racaille*)⁷. В ходе последовавших беспорядков, пожаров и разрушений пострадала полицейские, пожарные, мирные жители.

Итак, события 5-летней давности сразу же получили статус беспрецедентных по целому ряду причин: небывалая протяженность во времени, небывалый масштаб, небывалый международный резонанс. Со временем, беспрецедентность данных событий в современной истории французского протеста была подтверждена огромным количеством научной и публицистической литературы, появившейся в последующие несколько лет. В январе 2010 г. автором данного

исследования было сделано небольшое наблюдение в книжном магазине в центре Парижа, на бульваре Сан-Мишель: стенд бестселлеров отдела *Sciences politiques et sociales* во многом был представлен книгами, в названиях которых фигурируют такие слова как *banlieues* (пригороды), *émeutes* (бунты; после осени 2005 г. слово «*émeutes*» стало преимущественно использоваться именно для обозначения бунтов 2005 г. – прим. автора), *crise des banlieues* – кризис пригородов. Своим масштабом распространения и продолжительности, а также широтой международного и национального резонанса восстания в пригородах 2005 г. можно сравнить лишь с маем 1968 г., если брать протестную культуру последнего столетия. Количество научной и публицистической литературы, посвященное маю 1968 г., также позволяет провести параллель между этими двумя акциями протеста, несмотря на их несопоставимость по целому ряду параметров. Интересно отметить, что в трактовках бунтов 2005 г. именно май 1968 г. наиболее часто использовался в качестве референтного явления. Например, можно встретить такие формулировки, как «*un petit mai 68 dans les banlieues françaises*» («май 68 в миниатюре во французских пригородах»), проводились параллели между президентскими выборами 1969 г. и 2007 г.: победа премьер-министра Ж. Помпиду и министра внутренних дел Н. Саркози была, в частности, обусловлена их участием в урегулировании событий 1968 г. и 2005 г., соответственно.

Несмотря на вышеуказанные параллели, мы склонны считать, что стремление сравнить иммигрантские бунты 2005 г. и студенческие восстания 1968 г. скорее объясняется желанием вписать события 2005 г. в уже существующую протестную традицию, объяснить масштаб и жестокость происходящего уже привычными и понятными клише. Это позволяет, с одной стороны, представить события, как нечто понятное, а значит контролируемое, и, с другой стороны, не называть истинные причины происходящего. Иначе говоря, уход в протестную традицию давнего прошлого оказывается предпочтительней признания ошибок и проблем настоящего.

В данном исследовании нам бы хотелось сделать акцент не столько на цифрах или на библиографическом обзоре, сколько на рассмотрении некоторых ключевых понятий политического дискурса, без знания и понимания которых невозможно изучать протестную культуру пригородов. Данный анализ, носящий одновременно филологический и политологический характер, как всякое исследование политического дискурса, стоит начать непосредственно с выражения *кризис пригородов*, используемое как французскими исследователями (Н. Lagrange, М. Oberti⁸), так и российскими (О. Зегонов), для обозначения событий 2005 г. Учитывая тот факт, что проблемы иммигрантских пригородов начались во Франции далеко не в 2005 г., в данном случае речь идет именно о *кризисе* в медицинском смысле

слова, то есть события 2005 г. являются именно обострением заболевания, которое появилось во Франции уже очень давно, лет 30-40 назад.

«Заболевание» берет свое начало в 60-х гг., когда окраины больших городов застраиваются жилыми районами, предназначенными для так называемого «социального жилья», проще говоря – высотными многоквартирными домами, получившими название HLM (*habitation au loyer modéré* – жилье с умеренной квартирной платой). Эти кварталы, как правило, находящиеся поблизости от фабрик и заводов, были возведены в максимально краткие сроки с целью размещения там рабочих на время их пребывания во Франции, как французов, приехавших на заработки из провинции, так и выходцев из бывших колоний – преимущественно, стран Северной Африки. Ключевое слово здесь – «на время их пребывания во Франции», то есть это были временные жилые кварталы, цель которых была – быстро предоставить доступное жилье среднего уровня.

Но в 1973 г. вышел закон об объединении семьи, который не мог не способствовать тому, что все большее количество временных рабочих решали оставаться во Франции, тем более, что Французская Республика щедро предоставляла их детям возможность получать образование, при этом настаивала на активном поддержании их национальных культур, что, в результате привело к невозможности их полной интеграции. Постепенно, французы стали покидать эти кварталы, по разным причинам: низкое качество жилья, которое, не будучи рассчитано на долгий срок, с каждым годом все ухудшалось, а становящееся все более плотным окружение людей чужой культуры представляло угрозу для сохранения своей собственной, в частности, в школах.

Тем самым, в то время как президент Ф. Миттеран заявлял о том, что «иммигранты, находясь у нас дома, находятся у себя дома», у многих коренных французов, проживающих на окраинах, возникло ощущение, что они живут не у себя дома, а дома у иммигрантов. Этот процесс привел к расслоению населения, при котором коренные французы постепенно исчезали из пригородов, а члены семьи выходцев из Африки их заселяли. Развитие и запустение этого «заболевания» – результат отсутствия жесткой иммиграционной политики, и сегодня, когда на лицо – последствия попустительского отношения правительства к тем, кто официально является французскими гражданами.

Что касается самого понятия *пригорода*, то те слова, которые используются для его обозначения, также заслуживают отдельного комментария. Наиболее распространенное и, на первый взгляд, нейтральное слово *banlieue* – *пригород* – приобрело после 2005 г. новые интерпретации. Поскольку этимологически слово состоит из двух слов *ban* (*провозглашение; округ, юрисдикция сеньора; изгнание*) и *lieue* (*лье*), некоторые исследователи, занимающиеся проблемой кризиса пригородов, предложили писать это слово через

дефис *ban-lieue* (Б. Этьен)⁹, тем самым подчеркивая две его составляющие и настаивая на значении употребления здесь слова *ban* в значении *изгнание*. Тот же акцент делает исследователь М. Белхаж Касем в своем исследовании *Les banlieues: le Ban de la République – (Пригороды: изгнание из Республики)*.

Выбор исследователями именно этого значения слова *ban* связан отчасти с существованием глагола *bannir* – *изгонять, отправлять в ссылку*, хотя, согласно этимологическому словарю, глагол *bannir* в XIII в. стал ошибочно восприниматься как слово, происшедшее от существительного *ban*, в то время как его истинным предком является франкское слово *bannjan* = франц. *bande, troupe* – русс. *банда, войско*.¹⁰ Возвращаясь к истории возникновения пригородов, сложно не признать, что данное значение соответствует сегодняшнему положению неблагополучных пригородов и их жителей, которые действительно оказались изгнанниками Республики, и в смысле территориальном, и в культурном, и в политическом.

Помимо слова *banlieue*, в официальном политическом дискурсе существуют и другие способы номинации так называемых неблагополучных кварталов, к которым относится и ставший печально знаменитым после осени 2005 г. парижский пригород Клиши-Сю-Буа. Используя русское словосочетание *неблагополучные кварталы*, наиболее емко и нейтрально отражающее данную реалию, стоит отметить, что французский политический дискурс почти не использует таких эпитетов, как *иммигрантские, криминальные, проблемные* применительно к этим пригородам. Зачастую их называют даже не пригородами, а *кварталами* – *quartiers*.

Словосочетание *quartiers sensibles*, буквально – *чувствительные, уязвимые, ранимые кварталы* используется не для кварталов в черте города, а именно для пригородов, о которых наиболее часто пишут в газетах в рубрике *присшествия*. Речь идет о том или ином инциденте криминального характера (нападения на пассажира пригородной электрички, сожженная машина, раненый полицейский). Как правило, это – пригороды, где большая часть населения – выходцы из иммиграции, даже если немалый процент этого населения – обладатели французского гражданства, которые ни разу не были на родине своих родителей.

Словосочетание *quartiers sensibles* очень ярко иллюстрирует одну из тенденций французского политического дискурса. Суть ее заключается в сглаживании острых углов и использовании слов и эпитетов, которые нейтрализуют, нивелируют ту проблему, которую они называют. Однако, в случае с Францией и той ситуацией, которая сложилась на окраинах городов к началу XXI в., можно предполагать, что именно отчасти в сегодняшнем кризисе виновато нежелание называть вещи своими именами. Об этом могут свидетельствовать и другие широко используемые языко-

вые единицы, являющиеся синонимом выражения *quartiers sensibles*, а именно аббревиатуры *ZUS* (*zone urbaine sensible* – *уязвимая городская зона*) или *ZRU* (*zone de rédinamisation urbaine* – *городская зона, нуждающаяся в редианизации*).

Выбор слова *sensible* для некоторых из этих выражений не случаен, поскольку за ним может стоять коннотация *требующий особого ухода*, как, например, в словосочетании *peau sensible* – *чувствительная, то есть требующая особого ухода, кожа*. Тем самым, обозначение этих районов как районов, требующих особого внимания властей, вполне обосновано. Однако именно отсутствие должного внимания и ухода привело страну к событиям 2005 г. Поэтому на сегодняшний момент слово *sensible* в его политическом контексте содержит в себе такие понятия, как криминальная обстановка, наркомания и большой процент молодого населения без образования, работы, желая этого достичь.

А за словом *redinamisation*, встречающемся в синонимичной аббревиатуре *ZRU*, подразумевается целый комплекс мер, необходимых для разрешения всех этих проблем. Но они, однако, либо не принимаются, либо принимаются в недостаточном количестве, либо не являются верными. Доказательство тому – данные за 2005 г., предоставленные *Институтом исследований безопасности (Institut de hautes études de sécurité)*, согласно которым только 31% актов физического насилия в пригородах становятся предметом жалоб в полицию. Что касается нанесения ущерба имуществу, то в окрестностях Лиона с января по сентябрь 2005 г. были сожжены 800 автомобилей; в департаменте Сена-Сен-Дени за ночь сжигаются от 20 до 40 машин, и с начала 2005 г. 9000 полицейских машин подверглись «обстрелу» камнями; в окрестностях Страсбурга появилась традиция праздновать Рождество не у домашнего очага, а вокруг каркаса сожженной машины.

Все эти данные относятся лишь к повседневной жизни *уязвимых* кварталов за 2005 г., и не включают в себя цифры, говорящие о последствиях беспорядков осени 2005 г., приведенные нами выше. Все эти цифры компактно уместаются за красивым эвфемизмом *sensible* и за краткими аббревиатурами *ZUS* и *ZRU*. Сама по себе лексическая форма аббревиатуры обесцвечивает и обезличивает стоящую за нее реалию, представляя собой некую фонетическую или графическую единицу, лишённую эмоционального и ассоциативного содержания. Что касается их развернутых вариантов, в каждом из них присутствует слово *зона*, которое также заслуживает лексического комментария. Возьмем несколько определений слова *zone* (зона): территория обладающая определенными характеристиками; территория, на которой проходят какие-либо военные действия; трущобы, которые нелегально образовались на бывшей военной территории, расположенной за укреплениями Парижа; пригород крупного населенного пункта, отличающийся ветхим жильем, и словом *зона* никогда

■ Политология

не назовут ни один округ или район Парижа, расположенный внутри бульварного кольца.

На фоне этих политкорректных терминов, используемых в официальном политическом дискурсе, особенно ярко и емко выглядит дискурс непосредственно жителей этих кварталов, которые на своих блогах называют их просто *ghetto* - *gemtto* и *jungle* - джунгли. Так, на блоге, посвященном описанию всех пригородов, относящихся к категории *ZUS* или *ZRU*, можно найти раздел «Худшие гетто департамента Сена-Сен-Дени», а в качестве заключения к обзору официальных цифр - комментариев автора блога «цифры говорят за себя, 93 (номер департамента Сена-Сен-Дени) – это другой мир! Джунгли – везде, но здесь хуже, чем везде».¹¹

Слово *джунгли* также нередко встречается в текстах песен рэп-исполнителей, тексты которых часто посвящены ничтожности их повседневной жизни в пригородах, ненависти к полицейским, к французскому правительству и т.д. Для того, чтобы сделать наш обзор более полным и разносторонним, нам представляется необходимым рассмотреть еще одно понятие и средства его обозначения. Проблема номинации действующих лиц бунтов и жителей неблагополучных кварталов, несомненно, заслуживает особого внимания в исследовании современного протестного дискурса. Слово *jeunes* переводится с французского как *молодые люди, молодежь*, т.е. может применяться к более широкой массе людей, чем подростки иммигрантского происхождения с окраин. Однако, действующими лицами бунтов в пригородах, а также героями рубрики *происшествия* как правило являются именно *jeunes*, иногда с эпитетом *difficiles* (*трудные*) или *défavorisés* (*неблагополучные*).

Как мы уже видели с прилагательным *sensible*, заменяющим и сглаживающим целый ряд отрицательных характеристик, за словосочетаниями *jeunes difficiles/défavorisés* подразумеваются молодые люди африканского или арабского происхождения, чаще всего мусульманского вероисповедания, проживающие в одном из неблагополучных пригородов. Они отличаются плохой успеваемостью в школе или не имеют постоянного места работы. За словом *jeunes* в политическом дискурсе, относящемся к проблемам пригородов, не закреплена определенная возрастная категория, то есть этим словом могут обозначаться подростки 10-12 лет и взрослые люди старше 30. В то же время в повседневном французском языке слово *jeunes* является синонимом собирательного существительного *jeunesse* – молодость, то есть *период жизни между детством и зрелостью*¹².

Разумеется, слово *jeunes* не утратило своего первоначального значения, но, в зависимости от контекста, в котором оно употребляется, оно воспринимается по-разному. Например, если по радио сообщается, что пассажиры пригородной электрички стали жертвами нападения, совершенного тремя *jeunes*, всем понятно, что речь

идет о жителях пригородов, мужского пола (хотя в форме слова отсутствуют грамматические признаки рода). Их национальная принадлежность не уточняется, по политическим и идеологическим причинам, а также поскольку в массовом сознании существуют некие стереотипы – чаще всего подобные действия совершаются именно молодыми людьми арабского или африканского происхождения, и поэтому нет необходимости каждый раз этого уточнять. В случае, если нападение было совершено, например, группой скинхедов, мы услышим или прочтем *jeune skinhead*, поскольку принадлежность к скинхедам не является характеристикой, закрепленной за понятием *jeunes*. Объяснить использование нейтрального понятия *jeunes* применительно к конкретной группе людей, наделенных определенными признаками, можно объяснить следующим образом. Французскому политическому дискурсу свойственно выбирать слова, максимально далекие от крайне правого дискурса. Любое упоминание о расовой, национальной или религиозной принадлежности в уничижительном контексте, может быть истолковано как несоблюдение главных республиканских принципов равенства и братства.

Об этом свидетельствует общественная реакция, вызванная некоторыми заявлениями Н. Саркози, выглядевшими особенно резко и недопустимо, будучи:

- во-первых, неприемлемыми для официального лица;
- во-вторых, по своему регистру никак не соответствующими привычному *politiquement correct*.

Слово *racailles* – *отбросы*, вместо привычного нейтрального *jeunes* в устах министра внутренних дел, вызвало не только негативную реакцию политической и интеллектуальной элиты, обвинивших президента в националистских взглядах, но и спровоцировало негодование тех, к кому это слово относилось. Выступление Саркози 26 октября 2005 г., в котором прозвучало слово *racailles*, вызвало дополнительную волну агрессии у тех, кто уже протестовал. И подобную реакцию можно объяснить двояко:

- такая характеристика говорит об истинном отношении Республики к своим гражданам, выросшим на окраинах, и подчеркивает лицемерие традиционного политического языка;
- слово *racaille* и в большей степени его верлан-вариант *caillera* относятся к молодежному жаргону пригородов.

Его использование представителем власти было воспринято как вражеское вторжение на свою территорию, и в качестве реакции последовало желание доказать, что они являются именно тому, за кого французская республика их считает – отбросы, которые только и могут, что жечь и разрушать.

Говоря о тенденции французского политического дискурса к эвфемизации, можно также вспомнить уже упомянутое нами сравнение *иммигрантских бунтов 2005 г. со студенческим маем 1968 г.* или с городскими беспорядками, привычными для рабочих окраин. Подобное желание вписать событие в уже существующую протестную традицию, возможно, говорит о нежелании или неспособности признать несостоятельность французской модели интеграции, применительно к выходцам из стран Магриба. Говоря о трактовках бунтов 2005 г., стоит вспомнить международные СМИ, освещавшие события 2005 г. в Париже. Они, напротив, предпочли преувеличение значимости событий, рассматривая пожары в пригородах как пожар, охвативший всю Францию в прямом и переносном смысле – горели не просто машины и школы, а образ республиканской Франции, построенный на идеях свободы, равенства и братства.

Подобное внимание к Франции вполне объяснимо: с одной стороны, протестная культура Франции со времен 1789 г. не переставала быть референцией, примером для других стран. А с другой стороны, в преувеличении значимости и без того масштабных беспорядков можно увидеть некое злорадство по отношению к стране, которая на протяжении десятилетий делала вид, что проблемы национальных меньшинств ее не касаются благодаря пресловутой *французской модели интеграции*. А поскольку проблемы нет – нет вербальных средств, которые бы могли использоваться для ее описания. Те языковые средства, которые используются в официальном политическом дискурсе, отражают некую искусственную реальность, в которой все острые углы сглажены эвфемизмами. Однако, осень 2005 г. противоречит существованию этой псевдо-реальности, поскольку мы видим не просто молодежь, проживающую на окраинах, от нечего делать занимающуюся бытовым вандализмом. Мы видим целое поколение молодых людей, родившихся и выросших во Франции от родителей-иммигрантов, молодых людей, которые по всем документам являются гражданами французской республики. Однако, они существуют абсолютно отдельно от нее, живут в своем закрытом мире, созданном для них самой Францией, делающей все, чтобы этот мир продолжал существовать отдельно, а точнее, не делающей необходимых шагов для преодоления границы между этими двумя мирами.

Мы приходим к выводу, что *кризис пригородов 2005 г.*, с которого мы начали наш обзор, есть не только *кризис политический* или *социальный*.¹³ Его также нельзя свести к банальным городским беспорядкам, от которых он отличается лишь масштабом и продолжительностью. *Кризис пригородов 2005 г.*, который продолжается и сегодня, это – своего рода верхушка айсберга, который представляет собой целый ряд кризисов. И, прежде всего, это *кризис культурный*. Молодежь с окраин в географическом смысле

находится на окраине и в смысле культурном, на окраине культуры французской, европейской, республиканской. Ибо она не может пользоваться ее плодами в силу воспитания, социального положения, а также в силу происхождения, которое, в свою очередь, относит их к культуре своих родителей, с которой они, однако, знакомы лишь поверхностно.

Достаточно рассмотреть языковую ситуацию во многих иммигрантских семьях, где бабушка говорит на наречии своей деревни, отец – на диалектальном арабском, сын – иногда на классическом арабском (50% детей арабского происхождения не владеют арабским языком) и французском – в школе, и на жаргоне – на улице. Также дело обстоит и с религией: сегодняшние *jeunes* имеют очень поверхностные знания о содержании Корана, и при этом враждебно относятся к христианской культуре. О кризисе культурном свидетельствуют поведение бунтовщиков осени 2005 г., которые разрушали и жгли, не выдвигая никаких требований. На вопрос «почему?» один из участников поджогов ответил, что они все рушат, потому что у них нет слов.

Это принципиально отличает этих протестующих от участников протестных движений прошлого. Протестная культура Франции всегда отличалась свое вербальной, интеллектуальной составляющей – достаточно вспомнить «Декларацию прав человека и гражданина» 1789 г., письмо Э. Золя, написанное по делу Дрейфуса 1898 г., или слоганы участников мая 1968 г., которые и сегодня живы в современном языке. Подводя итоги к анализу рассмотренных выше понятий протестного дискурса современной Франции, мы позволим себе также упомянуть о *кризисе языка*. Он, прежде всего, проявляется в том несоответствии, которое существует между реальным миром пригородов, его проблемами, предлагаемыми способами их решения и отражением этого мира в языке. Посредством политкорректного языка это отражение создается таким, чтобы его восприятие было наименее болезненным. Несомненно, проще жить в мире, в котором районы, где процветает преступность и наркоторговля, называются чувствительными кварталами, где хулиганы, поджигающие машины – трудной молодежью, где вспышки насилия объясняются отголосками весны 40-летней давности, о которой сегодняшние протестующие зачастую имеют очень слабое представление. Возникает вопрос: для кого проще?

Наверняка можно ответить лишь то, что вербальное камуфлирование реальности не упрощает жизнь тех, кому в этой реальности приходится жить каждый день, а никак не влияет на положение вещей, свидетельство тому – осень 2005 г. Более того, тот колоссальный международный резонанс и тот испуг граждан, смотрящих на пылающие на телеэкранах кварталы своего города, которые последовали за событиями, объясняются вовсе не беспрецедентностью и неожиданностью событий, а тем,

---

■ Политология

что тот мифический мир, о котором принято говорить вполголоса, полутонами или абстрактными словами, оказался слишком реальным, многочисленным, жестоким и очень агрессивно настроенным по отношению к тем, кто делает вид, что его – нет.

Абстрактное понятие *zone sensible* оказалось очень конкретной и многочисленной частью французского населения, которой есть что сказать, но которой также не хватает слов, поэтому в ход идут другие средства – самодельные гранаты, камни, битые стекла, пылающие машины. Сегодня бунты 2005 г. являются частью протестного прошлого Франции, на сегодняшний момент их можно считать последним громким событием протестной истории страны. За пять лет заголовки *émeutes urbaines* и *émeutes 2005* переместились с первых полос СМИ на прилавки книжных магазинов в отдел общественных наук. Однако, все те вопросы, которые поднимались на президентских выборах 2007 г., и, очевидно, будут вновь подняты в 2012 г., остаются открытыми.

Чтобы на них ответить, нужно, прежде всего, их иначе сформулировать, найти языковые средства, адекватные сути проблем, а также найти

общий язык с теми, кто на сегодняшний день представляет собой проблему, которую стало неприлично обсуждать. И пусть слова не могут заменить действия и практические меры, но правильно подобранное слово может стать побуждением к нужному действию, поскольку в политике действие не может рассматриваться отдельно от слова, подобно тому, как и всякий человеческий опыт не может существовать вне своего вербального выражения.

Manakina O.E. Protest Culture and Political Discourse: French Case.

Summary: *The article examines some modern trends of the French protest political discourse. The accent is made on the language, used to describe and interpret protest movements of the immigrant suburbs. Analysis of the discourse of the urban riots in autumn 2005 in the suburbs of Paris, has revealed inadequacy between the events and the language, used by the modern political discourse to describe them. In conclusion the author argues that the crisis of the political language is one of the significant components of political and cultural crisis in modern France.*

Ключевые слова

протестный политический дискурс, политкорректность, протестная политическая культура, Франция, иммиграция.

Keywords

political discourse of protest, political correctness, political culture of the protest, France, immigration.

Примечания

1. Герасимов, В.И., Ильин, М.В. Политический дискурс-анализ. / В.И. Герасимов // Политическая наука. 2002. №3. С.62.
  2. Там же. С.64.
  3. Там же. С.69.
  4. Dewitte J. «Appeler un chat un chat» / La république brûle-t-elle ? Éditions Michalon, Paris 2006. P. 175.
  5. Folscheid D. « Novembre Bleu » / La république brûle-t-elle ? Éditions Michalon, Paris 2006. P. 158.
  6. Mauger G. L'émeute de novembre 2005. Une révolte protopolitique. Editions du croquant, 2006. P. 52.
  7. <http://www.youtube.com/watch?v=Bs2TiewZWXI> (Новости, канал France 2, 26 октября 2005).
  8. Lagrange H., Oberti M. Emeutes urbaines et protestations: une singularité française, Science Po Presses, 2006. P. 135.
  9. Étienne B. Ban-lieues : essai d'interprétation anthropologique. La République brûle-t-elle? Éditions Michalon, Paris, 2006. P. 120.
  10. Larousse. Grand dictionnaire étymologique et historique du français, 2005. P. 86 (bannir).
  11. <http://toonis93.skyrock.com/708687500-DEFINITIONS-ET-CHIFFRES-DES-ZUS-ZRU-ZFU.html>
  12. Larousse Lexis. Dictionnaire de la langue française 1999, 1979. P. 1994.
  13. Draï R., Mattéi J.-F., La République brûle-t-elle ? Éditions Michalon, 2006. P. 156.
-